

«Классическое» евразийство: пространственный образ России

Семёнова Ю.А.

Евразийство как самостоятельное идейное направление сложилось в эмигрантской среде в начале 20-х годов XX века. Евразийские идеи были впервые обнародованы в сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев» (София, 1921). Среди наиболее заметных представителей этой школы: географ П.Н. Савицкий, философ Л.П. Карсавин, филолог и культуролог Н.С. Трубецкой, историк Г.В. Вернадский, искусствовед и музыковед П.П. Сувчинский, религиозные философы и публицисты Г.В. Флоровский, В.Н. Ильин, Б.Н. Ширяев, критики и литературоведы А.В. Кожевников (Кожаев), Д.П. Святополк-Мирский, правовед Н.Н. Алексеев, востоковед Н.Н. Никитин, писатель В.Н. Иванов, экономист Я.В. Садовский.

Такие общие настроения как антизападничество (точнее, отрицание культурного европоцентризма) и почвенничество задавали тон всем рассуждениям евразийства.

Критикуя взгляд на историю как на универсальный, прямолинейный и гомогенный процесс, евразийцы оценивали исторический процесс как мультилинейный и рассматривали человечество «не как единое целое с единственным центром в Европе, а как мозаичную целостность, вид, разбитый на разные ландшафты» [Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 27]. С утверждением евразийцев принципа плюрализма цивилизаций и полицентризма тесно связано определение России как самостоятельного исторического и географического мира, не принадлежащего ни к Востоку, ни к Западу и порожденного особым субконтинентом - Евразией*.

Для евразийцев Россия («срединная часть», «Солнце» Евразии) - прежде всего географическое понятие. Россия - Евразия – это равнинная часть Европы и Азии, объединяющая четыре равнины: восточно-европейскую, беломорско-кавказскую, западносибирскую и туркестанскую; территория между линией Балтика-Адриатика и Кавказским хребтом, включающая Среднюю Азию, ограниченная Курилами и границей с Китаем на востоке и юго-востоке. Еще одна особенность географического положения Евразии - отсутствие выхода к открытому морю, отсутствие изорванности береговой линии. Поэтому она, наряду с Канадой - самая континентальная. Евразийцы видели будущее России в осознании её континентальности и в приспособлении к ней, так как, по их мнению, всякое государство жизнеспособно только тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории.

Отмечая географическую целостность Евразии, евразийцы полагали, что сама эта география предназначает Евразию к созданию на её территории

* «Негативность самоопределения» [Каганский В.Л. Кривда и правда евразийства // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 36] (то есть определение и задание страны через отрицание, непринадлежность, невключенность) - так данное положение обозначает сегодня критик евразийства В.Л. Каганский.

единого государства. «Страна эта, помещенная между нередко враждебными ей странами Европы и Азии, с сухопутной границей огромного протяжения, которую нелегко защищать, принужденная бороться с большими трудностями экономического развития (суровая зима, огромные расстояния), может жить и развиваться только при наличии сильной и жесткой власти...» [Евразийство (Формулировка 1927 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 218]. По мнению евразийцев, народы Евразии тяготеют к созданию на всей занимаемой ими территории единого государства в силу географического, языкового, психологического, этнического сходства.

Россия как Евразия есть «месторазвитие» (термин П.Н. Савицкого) – одновременно географический, этнографический, хозяйственный, исторический и культурный ландшафт. Евразийцы полагают, что неповторимое сочетание ландшафтов, в котором сложился тот или иной этнос, определяет его своеобразие – поведенческое и во многом даже культурное.

Таким образом, в описании пространства Евразии доминируют географические характеристики, за что нередко евразийцев обвиняют в детерминизме. Г.В. Флоровский, критикуя евразийцев, отмечает следующее: «Географическое единство и своеобразие «евразийской» территории настолько поражает их, что в их представлениях подлинным субъектом исторического процесса и становления оказывается как бы территория, – даже не народ. Поэтому история русского народа и растворяется для них в истории Евразии, как своеобразной среды... и «месторазвития»... именно территория является основным фактом и фактором исторического процесса» [Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 251]. При этом самобытность понимается евразийцами как изначально присущее пространству Евразии качество: опору уникальности евразийство ищет во внешнем мире природы, утверждая непреодолимое давление биологии и географии на социальный процесс.

Несмотря на такие критические замечания, пространственность считается сильной стороной евразийства. Так, В.Л. Каганский отмечает, что проблемы российского пространства, поднимаемые этим течением, вполне реальны. Это и проблема единства пространства страны, поиска оснований такого единства (то есть проблема выбора пути), и вопросы, связанные с поиском идентичности страны. И. Н. Сиземская оценивает концепцию «месторазвития» следующим образом: «...евразийцы сделали то, что до них никто не делал – они дополнили изложение истории новым элементом, развитием культуры в пространстве...» [Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 27].

Евразийское самоопределение России – самоопределение ее пространства, отличающегося большой протяженностью и обширностью, континентальностью и равнинностью, пограничным положением, географической целостностью, предполагающей единство государственной территории.

Евразийцы впервые поставили вопрос о роли пространства в истории России и дали определенный пространственный образ России-Евразии, что позволило современным исследователям евразийства говорить об особенностях российского пространства [См.: Пространство в России: круглый стол // Отечественные записки. 17 апреля 2002; *Лерсарян Т.* Бескрайняя равнина конца времен // Отечественные записки. 2002, № 3; а также, работы В.Л. Каганского].

Так, В.Каганский, критикуя евразийство и пытаясь выявить основания евразийского полагания России и ее пространства, утверждает следующее: «В действительности существенные особенности пространства страны, ее пространственные атрибуты – это атрибуты Российской империи, а не самой России. Прежде всего, это: огосударствление пространства; конструирование мест, регионов, этносов, а не саморазвитие; бесконечное изменение роли прежних мест; моноцентризм и высочайшая централизация страны в целом и ее регионов; чрезвычайно высокая роль внешних и внутренних границ» [*Каганский В.Л.* Невменяемое пространство // Отечественные записки. 2002, № 6. С. 23].

Российское пространство мыслилось и мыслится как иерархически организованное. Это пространство вертикальных, а не горизонтальных связей. При этом вертикальные отношения олицетворяют правильный порядок, горизонтальные - беспорядок. Территория России как эманация государства обладает единством. С другой стороны, пространство мыслится бескрайним: в этом большом пространстве слишком мало соприкосновений, слишком мала плотность социальных сетей; в нем две опорные точки: центр и внешние границы (всегда оборонительный рубеж, очерчиваются государством). Кроме этих точек приложения интересов - промежуточное, безразличное, неструктурированное пространство. Русский порядок – внешнеполитический, обращенный на освоение окружающего пространства, при значительно меньшем внимании к внутренней структурности. Каждый подходит к исторически сложившемуся пространству не так, чтобы его достраивать, а чтобы его расчистить и все сделать заново. Вместо того чтобы вписываться в историю, продолжать какую-то традицию на земле, ее игнорируют.

Единство Евразии, таким образом, - это единство физического пространства (отсюда и представление о естественных границах как об оборонительном рубеже, стремление к изоляционизму). Такое внешнее единство не предполагает согласованности деятельности людей, определенной их координации, представления о перспективах, наличия практически освоенных людьми и ясно осмысленных ими форм, обеспечивающих внутреннюю связность и воспроизводимость общества.

Преодоление натурализма в понимании пространства России (не сведение сложного социального разнообразия к простым физическим констатациям, а объяснение социальных фактов через социальное пространство) – важная методологическая задача, стоящая перед последователями евразийства.